

МОЖНО ЛИ ПОБЕДИТЬ ВОЙНУ?

Алексей Скворцов

Война всегда считалась самым тяжёлым испытанием для людей. Чёрной тенью следовала она за развитием цивилизации, будто насмехаясь над мечтательными проектами скорейшего установления рая на земле. Трудно сказать, каким бы был мир и каким бы стал человек, если бы их развитие не прерывала война. Но, как ни парадоксально, война не всегда воспринималась сугубо отрицательно. Для Платона и Аристотеля война — одно из наиболее достойных занятий гражданина, где проявляются его наилучшие добродетели. Нравственным идеалом Европы на протяжении минимум трёхсот лет было рыцарство с его

культулом воинского служения. Наконец, в философии Нового времени нередко встречаются учения, отдающие должное войне как двигателю прогресса: Гегель, Ницше, Шелер, Юнгер...

Если быть объективным, то пацифизм представляется маргинальным течением европейской философии. Генеральной линией становится диалектическое понимание войны: с одной стороны, она — несомненное зло, но если не вступить в неё в крайнем случае, то это зло может обернуться ещё большим злом — уничтожением самой цивилизации. Иными словами, война может быть оправдана, но только как последнее средство, да-

ющее развиваться обществу. Но всё же, при всей важной охранительной функции, приписываемой вооружённой борьбе, можно ли надеяться, что когда-нибудь война полностью уйдёт в прошлое?

Европейская философия выдвинула две самостоятельные стратегии умиротворения войны: проект установления «вечного мира» и корпус правил, позволяющих ограничить её наиболее разрушительные последствия и в итоге превратить её в нечто, похожее на спортивное состязание. Первая линия вылилась в международное движение борьбы за мир, вторая — в систему международного гуманитарного права.

Проект «вечного мира» не выдержал проверки временем. И причина этого кроется не только в бесчувствии масс к прогрессивным философским веяниям. Дело в том, что сама идея не избежала двойственности. Если вчитаться внимательно, то большинство из защитников «вечного мира», Марсилиус Падуанский, Эразм Роттердамский, Ж-Ж. Руссо, И-Г. Гердер и даже И. Кант, указывая на неисчислимы бедствия, которые несет война, признавали, что в исключительных случаях, например, когда речь идёт о выживании целых народов, она все же оправдана. А если так, то можно ли указать исчерпывающие критерии оправданной войны? И не станут ли все прикрывать свои агрессивные замыслы, ссылаясь на безвыходность ситуации? Даже великие гуманисты Просвещения, прославляя вечный мир, вполне искренне восхищались деяниями Фридриха Великого, втянувшего Европу в разрушительную Семилетнюю войну.

Вторая интеллектуальная линия, требующая вести войну по правилам, оказалась более обоснованной и поэтому на определённый период времени более жизнеспособной. Согласно ей, война — это вечный спутник человечества, неизбежная обратная сторона мира. Требовать её прекращения — означает требовать от человека перестать быть самим собой, т.е. биологическим существом, вынужденным бороться за выживание. Но всё же, поскольку мы не чисто биологи-

ческие существа, и на протяжении истории культура внесла коррективы в нашу сущность, мы можем вести боевые действия не как звери, а как цивилизованные люди.

Не было войн, которые велись бы по принципу «всё позволено». Всегда противоборствующие стороны договаривались друг с другом об обмене пленными и ранеными, о сохранности своих коммуникаций и безопасности маршрутов передвижения и т.д. По итогам столетий сложился целый корпус обычаев и традиций, которых можно назвать «этикой войны». До совершенства она была доведена в древнеримской правовой мысли. В её памятниках отчётливо указаны требования сражаться только с армией противника, а не с мирным населением, щадить поверженного врага, не разрушать мирные постройки, не трогать священные для любой религии места. Кроме того, сама война признавалась тяжёлым испытанием, вступать в которую можно только ради защиты своей родины.

Глубокое содержание в этику войны внесла христианская философия, решавшая сложную проблему совмещения заповеди любви с необходимостью защиты христианского государства. Трактаты о праве на войну и правилах на самой войне стали излюбленным жанром Нового времени. Философы положили немало сил на рассуждения о допустимых методах ведения боевых действий и критериях справедливости войн. И, надо сказать, их размышления были не столь далёкими от реальности. «Кабинетные войны» эпохи Просвещения были близки к эталону спортивной борьбы, в которую, по мысли некоторых теоретиков, должно было превратиться вооружённое противоборство. В некоторых размышлениях рисуется идиллическая картина рыцарского турнира, где воины открыто, без применения разного рода хитростей, доказывают свою правоту, а мирные жители не только не страдают от войны, но и наслаждаются красивым зрелищем, попутно оказывая помощь раненым и раздавая призы особо выдающимся героям.

Размышления о правилах ведения боевых действий обернулись на практике длительным процессом создания международного гумани-

тарного права, где в центре внимания находятся права и обязанности всех действующих лиц вооружённых столкновений. Наиболее известные и объёмные документы на эту тему — различные эволюции Женевских конвенций о защите жертв войны. Однако это движение выходит далеко за рамки установочных деклараций и представляет собой особый вид философии войны, развивающий идею гуманизации войн.

Основателем гуманитарного права считается швейцарский коммерсант Анри Дюнан, ставший свидетелем кровопролитной битвы при Сольферино 1859 г., в которой объединённые франко-итальянские войска под командованием Наполеона разбили австрийскую армию. В схватке, длившейся целый день, потери составили 40 тысяч убитыми и ранеными. Медицинские службы и той и другой стороны пытались организовать помощь пострадавшим, но их усилий было явно недостаточно: солдаты умирали сотнями. Дюнана потрясло обстоятельство, что армии были не готовы оказывать помощь раненым, фактически ставя их жизнь в зависимости от милосердия местных жителей. В 1862 г. он выпустил книгу «Воспоминания о Сольферино», которая, благодаря красочному описанию ужасов войны и мучений покалеченных людей, произвела огромное впечатление на общественное мнение. После этого автор оставил коммерцию и решил посвятить себя организации помощи людям, пострадавшим в ходе боевых действий. Любопытно, что отправной точкой для реализации своей идеи он считал опыт Н.И. Пирогова, сумевшего наладить эффективную медицинскую помощь раненым во время Крымской войны.

В 1863 г. Женевское общество народной пользы, решившее воплотить идеи Дюнана в жизнь, провело первую международную конференцию с приглашением врачей, военных и политиков из шестнадцати государств. Это событие стало началом деятельности «Международного Красного Креста», поскольку конференция утвердила именно эту эмблему для обозначения гуманистических акций в условиях войны. Ещё через год движению был придан политический статус. По инициативе швейцарс-

кого правительства в Женеве была проведена дипломатическая конференция с участием делегатов двенадцати стран. Принятый ими итоговый документ получил название «Женевская конвенция об улучшении участи раненых и больных в действующих армиях». Она сводилась всего к двум принципам: медицинские службы обязаны оказывать помощь всем пострадавшим, независимо от того, к какому лагерю они принадлежат, и сами медики обладают неприкосновенностью на поле боя, а также их оборудование и транспорт; атака людей, носящих красный крест, считается военным преступлением. В течение ближайших трёх лет к этой конвенции присоединились более пятидесяти государств.

Однако самый поверхностный анализ гремящих в то время войн показывал, что уповать только на самоотверженность врачей в деле спасения раненых на поле боя бессмысленно. Очевидно, что орудия убийства прогрессируют значительно быстрее, чем средства помощи пострадавшим от них. Поэтому сразу после опубликования Женевской конвенции начались споры о возможности ограничения самих средств поражения на войне. В итоге по личной инициативе Александра II в 1868 г. в Санкт-Петербурге была проведена конференция, обсуждавшая возможность запрета наиболее варварских

Рыцарь, Смерть и Дьявол. Альбрехт Дюрер, 1513 г.

средств ведения боевых действий. В тексте итогового документа встречаются ссылки на принципы человеколюбия, а также содержится убеждение, что бедствия войны должны уменьшаться. Тем не менее стороны не пришли к согласию относительно того, какое именно оружие следует считать «варварским». Единственное, что удалось записать в итоговый протокол, — это запрет использовать зажигательные и разрывные боеприпасы, чья масса ниже 400 г.

Вторая попытка договориться по поводу гуманизации боевых действий была предпринята в 1874 г., когда в Брюсселе, снова по инициативе Александра II, была собрана конференция, посвящённая пониманию законов и обычаев войны. В Брюссельской конвенции, составленной выдающимся русским юристом-международником Ф.Ф. Мартенсом, была сделана попытка свести воедино все существовавшие на тот момент идеи относительно гуманизации войн. Все участники боевых действий были поделены на комбатантов (непосредственно воюющих с оружием в руках) и некомбатантов (вспомогательный персонал), который предписывается щадить, насколько возможно. Были подробно прописаны права всех действующих лиц войн — шпионов, парламентёров, больных, раненых, военнопленных, лиц, находящихся на оккупированных территориях. Особый акцент был сделан на требовании защиты мирного населения, гражданских объектов и памятни-

ков культуры. В области ограничения средств поражения к положениям Санкт-Петербургского протокола были добавлен запрет на использование ядов и отравленного оружия. Однако большинство делегатов отказалось принимать конвенцию, сославшись на отсутствие точно установленной границы допустимого и недопустимого на войне.

В значительно более широком формате такого рода документ был принят на мирной конференции в Гааге в 1899-м, собранной вновь по предложению России. К этому времени был осмыслен опыт нескольких крупных войн, и с тревогой отмечалось, что вооружённое насилие необратимо расширяется, распространяясь не только на сушу и воду, но и в воздух. Поэтому итоговая Конвенция предусматривала распространение принципов Женевской конвенции на морскую войну и запрет бомбометания с аэростатов. Значительно расширился раздел, посвящённый статусу нейтральных держав и их обязанностей относительно помощи жертвам войны. В список негуманных вооружений, наносящих чрезмерные страдания, было внесено два новшества: запрет на использование плавающих мин, не закреплённых якорями, и на использование «легко разворачивающихся и сплюсцивающихся пуль». Кроме того, снова были сформулированы запреты относительно вероломных способов ведения войны: убийство неприятеля, бросившего оружие, ношение формы другой стороны и флага парла-

ментёров для достижения тактического успеха, угрозы противнику «Пощады не будет!».

Серьёзным шагом вперёд в деле развития международного права стали документы, принятые в ходе конференции в Гааге 1907 г., собранной по итогам русско-японской войны. Был принят важный протокол «О мирном решении международных столкновений», где последовательно проводится идея войны как «последнего средства», к которому прибегают в крайнем случае. Предусматривалось введение института посредников и следственных комиссий, позволяющих урегулировать конфликты, не прибегая к вооружённому насилию.

С начала XX века гуманитарное военное право становится главным элементом права международного. Оно развивается по нескольким важным направлениям: мирное урегулирование конфликтов и антивоенное движение, стратегии международного разоружения, запреты на использование негуманных средств и способов ведения войны, улучшение участи жертв боевых действий. К сожалению, следует признать, что развитие указанных направлений проходило лишь как реакция на возрастающий милитаризм, в итоге переросший в мировые войны. Так, о Женевских конвенциях мировые державы вспомнили в 1906 г. и приняли новый расширенный вариант, где были записаны нормы об организации полевых госпиталей, транспортировке раненых, обме-

Отравленные газами. Джон Сингер Сарджент, 1918 г.

не медикаментами между воюющими сторонами. Самим жертвам войны гарантировалось соблюдение их прав не только на медицинскую помощь, но и на различные виды снисхождения, вплоть до освобождения из плена под честное слово больше не воевать с отпускающим его государством.

Впоследствии Женевские конвенции не раз дополнялись и редактировались. Различные соглашения, принятые в период между мировыми войнами (1927, 1929, 1932–1935 гг.), заключались уже от имени Лиги Наций. Здесь особую роль играет конвенция 1929 г., ещё раз запретившая жестокое обращение с военнопленными, и крупная международная конференция по разоружению, длившаяся два с половиной года и декларировавшая необходимость достижения паритета вооружённых сил в Европе.

Однако свой законченный вид Женевские конвенции приобрели по итогам Второй мировой войны, когда, казалось бы, идея смертельной битвы, ведущейся по правилам, потерпела полный крах. Тем не менее характерно официальное название серии этих документов: «Женевские конвенции о защите жертв войны». В них окончательно оформляется главная нравственная идея международного гуманитарного права: война — это зло, и все люди, которые в ней участвуют, обязаны по возможности уменьшать это зло. Окончательную редакцию Конвенции обрели 12 августа 1949 г.; фактически их идея стала основным вектором развития всей последующей деятельности Организации Объединённых Наций. Существует четыре основных документа: Первая конвенция — «Об улучшении участи раненых и больных в действующих армиях», Вторая — «Об улучшении участи раненых, больных и лиц, потерпевших кораблекрушение, из состава вооружённых сил на море», Третья — «Об обращении с военнопленными» и Четвертая — «О защите гражданского населения во время войны». Помимо окончательного закрепления мысли о том, что лица, не принимающие непосредственного участия в боевых действиях, не могут подвергаться негуманному обращению, в них подробнейшим образом прописаны различные способы оказания гуманитарной помощи всем

Немецкие пленные из танковой дивизии СС «Мертвая голова». 1944 г.

категориям жертв войны. Кроме того, обращают на себя внимание следующие положения. Во-первых, многократно подчёркивается, что действие данных деклараций распространяются не только на страны-подписанты, но и на всех людей, пострадавших от боевых действий, независимо от их расы и национальной принадлежности. Во-вторых, в этих объёмных документах сделан существенный шаг от общих моральных принципов к правовому регулированию нескольких тысяч конкретных ситуаций, в которые попадают участники боевых действий. Соответственно отход от данных норм трактуется как военные преступления, а массовые нарушения — как преступления против человечности.

В 1951 г. была принята Женевская конвенция, регулирующая статус особой категории жертв войны — беженцев. В 1977 г. в дополнение к четырём конвенциям были приняты два Дополнительные протокола «О защите жертв международных военных конфликтов», где были развиты некоторые идеи Гаагских конвенций. В частности, речь идёт не только о правах лиц, не принимающих непосредственного участия в боевых действиях, но и о правах и обязанностях самих военнослужащих («комбатантов»). Так, даются оп-

ределения таким понятиям, как «нападение», «защита», «наёмничество», «нахождение на борту боевых средств» и т.д. Кроме того, подробно прописан статус, права и обязанности мирного населения, указаны рамки, в которых оно вправе осуществлять гражданскую оборону.

Но на этом история развития движения, связанного с Женевскими конвенциями, не закончилась. Новый, современный этап обсуждения проблемы гуманизации войн стартовал с разработки «Конвенции о запрещении или ограничении применения конкретных видов обычного оружия, которые могут считаться наносящими чрезмерные повреждения или имеющими неизбирательное действие». Таким образом, международное гуманитарное право вернулось к одному из своих истоков — спору о варварских вооружениях, который так и не нашёл своего разрешения в начале XX века. В тексте самих Женевских конвенций подробно этот вопрос не разбирается, однако любопытно, что указанная декларация была ратифицирована в 1983 г. именно в Женеве. Она включала в себя пять протоколов, обозначавших направления работы по запрещению наиболее бесчеловечных средств боевого поражения среди обычных вооружений: 1) оружие, чьи осколки не фиксируются в теле жертвы при помощи

Фоторепортеры в противогазах. Материалы фотовыставки «Британия — Россия, общая Победа»

лазерных лучей; 2) мины-ловушки; 3) зажигательное оружие; 4) ослепляющее лазерное оружие. Пятый протокол призывал мировые державы включиться в программу уничтожения опасных объектов, оставшихся со времён прошедших войн, — неразорвавшихся мин и снарядов.

Принятая конвенция породила множество политических и общественных движений, добивавших-

ся полного отказа от наиболее возмутительных, бесчеловечных средств поражения. Так, в 1997 г., после проведения многочисленных международных консультаций, в Оттаве была принята конвенция о полном запрете на использование противопехотных мин (хотя её подписали не все страны, в т.ч. США и Великобритания). В 2004 г. окончательно ратифицирован протокол о запрете всех ви-

дов биологического оружия. В 2008 г. в Дублине был принят договор, обязывающий воюющие стороны отказаться от использования кассетных бомб.

Как можно оценить подобные инициативы? Нередко приходится слышать о непоследовательности и даже лживости международных документов по гуманитарному праву. Якобы ведущие державы их при-

нимают для того, чтобы обезопасить себя от активного сопротивления государств, обречённых в ближайшее время стать жертвой их стремления к мировому господству. В то же время они сами легко нарушают все существующие нормы ради достижения своих целей. Например, в ходе агрессии блока НАТО против Югославии (1991 — 1993 и 1999 гг.) и Ирака (2003 г.) основные удары наносились прямо по гражданским объектам, что привело к массовой гибели гражданского населения. За эти военные преступления никто не ответил, и, более того, они породили длительную цепь вооружённого насилия, остановить которую до сих пор не удалось.

Но всё же, при отсутствии эффективных способов контроля и действенных санкций против армий, совершающих военные преступления, развитие международного гуманитарного права свидетельствует,

что общественное мнение не может примириться с фактом существования войны и поэтому ищет возможности для её преодоления. Нет сомнения, что Женевские конвенции способствовали существенной гуманизации боевых действий, поскольку на основании их нравственных принципов было создано множество международных организаций, оказывающих помощь всем пострадавшим от войны. В 2005 г. был принят Третий Дополнительный протокол к Женевским конвенциям, закрепивший универсальный знак для международных гуманитарных миссий, работающих на полях сражений, — Красный кристалл.

Невозможно нравственно оправдать войну, но можно и даже нужно оправдать людей, ставших её жертвами и при этом не утративших человеческого облика. Конечно, повинуюсь жестокой логике об-

стоятельств, им также приходилось убивать и калечить, но они делали это вразрез с собственной совестью, отказываясь ненавидеть и унижать врага. Их служение не могло существенно повлиять на общую бесчеловечную суть войны, но своим поведением они сумели сохранить нравственное начало в человеке, позволяющее не утратить окончательно веру в людей. И пусть не в наших силах одолеть войну, мы можем победить её в самих себе, оставаясь людьми даже в страшных условиях.

á

Ирак, наши дни...